

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/esrojg>

Провокация преступления как основание процессуальной защиты обвиняемого в практике Соединенных Штатов Америки

Бурмистрова Анастасия Алексеевна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 9325-4095

aa.burmistrova1501@gmail.com

Аннотация: В работе исследуется вопрос провокации преступления как условия процессуальной защиты обвиняемого в правоприменительной практике Соединенных Штатов Америки. Цель – проанализировать судебные прецеденты и законы, касающиеся провокации преступления. Особое внимание уделяется решениям судов и прецедентам, показывающим различные аспекты этого вопроса. В результате исследования делается вывод о важности учета провокации преступления при защите прав обвиняемого и обеспечении справедливого судебного разбирательства. Исследуется эволюция доктрины провокации преступления как формы процессуальной защиты обвиняемого в Соединенных Штатах Америки. Анализ показывает следующее: как от первоначального непризнания изучаемой доктрины она постепенно получила широкое распространение в судебной практике на федеральном и региональном уровнях. Критерии оценки провокации преступления в американских судах были также сформулированы и обоснованы с учетом опыта правоприменительной практики и в результате получили свое отражение в двух основных критериях: субъективном (предрасположенность обвиняемого) и объективном (степень вовлеченности сотрудников правоохранительных органов). Подробно рассматривается процедура доказывания провокации преступления, принимая во внимание такие стадии уголовного судопроизводства, как определение бремени доказывания по делу (сторона обвинения или обвиняемый) и установление ключевого критерия оценивания материалов по делу (субъективный или объективный), которые могут применяться как в совокупности, так и по отдельности. Особое внимание уделяется проблеме рассмотрения дел о провокации преступления судом присяжных, анализируются аргументы «за» и «против» такой практики. В итоге подчеркивается необходимость более четкого законодательного регулирования и унификации практики применения данной доктрины в отечественной правоприменительной практике для балансирования между эффективным уголовным преследованием и защитой от несправедливого обвинения.

Ключевые слова: провокация преступления, судебное разбирательство, суд присяжных, Соединенные Штаты Америки, защита от провокации преступления

Цитирование: Бурмистрова А. А. Провокация преступления как основание процессуальной защиты обвиняемого в практике Соединенных Штатов Америки. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 2. С. 299–306. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-2-299-306>

Поступила в редакцию 14.04.2025. Принята после рецензирования 06.05.2025. Принята в печать 07.05.2025.

full article

Entrapment as a Condition of Procedural Defense in the United States of America

Anastasia A. Burmistrova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 9325-4095

aa.burmistrova1501@gmail.com

Abstract: The doctrine of crime provocation as a form of procedural defense has a long history in the United States of America, where entrapment is a condition of procedural defense. The article describes entrapment-related court precedents and laws, its impact on investigation and trial, and cases that demonstrate various aspects of the issue. Entrapment is a condition that should be taken into account by the defense to ensure a fair trial. From the initial non-recognition, the doctrine has become a popular judicial practice at the federal and regional levels. The two criteria for assessing crime provocation in US courts rely on the experience of law enforcement practice: subjective (predisposition of the accused) and objective (degree of involvement of law enforcement officers). The procedure

of proving the entrapment involves such stages of criminal proceedings as determining the burden of the proof (the party of the prosecution or the accused) and establishing the key criterion for material assessment (subjective or objective), which can be applied in aggregate or separately. In this respect, trial by jury has some controversial issues. Russian entrapment practice needs a clearer and more unified legislative regulation to provide an effective criminal prosecution while avoiding a potential unjust accusation.

Keywords: crime provocation, trial, jury trial, United States of America, defense of entrapment

Citation: Burmistrova A. A. Entrapment as a Condition of Procedural Defense in the United States of America. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(2): 299–306. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-2-299-306>

Received 14 Apr 2025. Accepted after review 6 May 2025. Accepted for publication 7 May 2025.

Введение

Изучение зарубежного опыта борьбы с провокацией преступлений необходимо для определения сущности этой уголовно-правовой категории. В США уголовная ответственность за провокацию преступления определяется как федеральным законодательством (положения Модельного уголовного кодекса США 1962 г.), так и законодательством отдельных штатов [1, с. 12]. В то же время в американской правоприменительной практике актуальна проблема дифференциации правомерных оперативно-розыскных мероприятий и провокации преступления сотрудниками правоохранительных органов. Провокация преступления в понимании американской правовой доктрины служит процессуальной защитой спровоцированного лица от уголовной ответственности, что явилось результатом обширной правоприменительной практики [2; 3].

Провокация преступления сотрудниками правоохранительных органов – сложная проблема, затрагивающая фундаментальные принципы уголовного правосудия. В США, где защита прав обвиняемого является неотъемлемой частью правовой системы, вопрос о допустимости и последствиях провокации преступления приобретает особую актуальность [4]. На протяжении длительного периода американские суды формировали правовую доктрину, призванную определить границы допустимого вмешательства сотрудников правоохранительных органов в расследовании преступлений и защитить граждан от неправомерного обвинения.

Отсутствие в российском законодательстве легального определения провокации преступления [5] и разногласия среди юристов относительно ее сущности, признаков и общественной опасности обусловили обращение к зарубежному опыту, в частности к законодательству США [6].

Провокация преступления как форма процессуальной защиты обвиняемого в практике США закрепилась не сразу. Долгие годы суды не признавали обоснованность предложенной доктрины, предназначенной защищать людей от провокации преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов. Ситуация изменилась после рассмотрения дела *Woo Wai v. United States*¹ [7, p. 859], в котором суд впервые официально признал защиту от провокации преступления. На протяжении XX в. теоретическая дихотомия защиты от провокации преступления формировалась в основополагающем деле *Sorrells v. United States*², в котором суд постановил: «Когда сотрудники правоохранительных органов заложили в сознание невиновного лица склонность к совершению предполагаемого преступления, возникает необходимость в защите от провокации преступления» [8, p. 1124].

Высказывание суда *заложить в сознание невиновного лица склонность к совершению предполагаемого преступления* получило свое отражение в сформулированном позднее *субъективном критерии*, который отражает эмоциональное состояние лица к совершенному деянию, что возлагает на сторону обвинения обязанности по доказательству предрасположенности лица к совершению преступления до момента воздействия сотрудников правоохранительных органов. Суд обосновал свое решение тем, что Конгресс не предполагал, что уголовные законы будут применяться в случае активной провокационной деятельности со стороны сотрудников правоохранительных органов [9]. На сегодняшний день субъективный подход при рассмотрении дел о провокации преступления³ рассматривается в 37 штатах⁴.

Судья Робертс, в свою очередь, сосредоточился на оценке действий сотрудников правоохранительных

¹ *Board of Comm'rs v. Backus*. N.Y.: Sup. Ct., 1864, 123.

² *Sorrells v. United States* No. 177. 1932. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/287/435/> (accessed 13 Mar 2025).

³ *Sherman v. United States* No. 87. 1958. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/356/369/> (accessed 13 Mar 2025).

⁴ California Jury Instructions – Criminal (CALJIC): 4.61.5. Entrapment-Permissible and Impermissible Conduct. West's Committee on California Criminal Jury Instructions. Thomson West, 2025, 3194. P. 2387.

органов, а не на эмоциональном состоянии обвиняемого. Подход судьи Робертса был назван как объективный, поскольку он отражает степень вовлеченности сотрудников правоохранительных органов в формировании умысла на совершение преступления у спровоцированного лица. Сегодня объективный критерий используется в значительно небольшом количестве юрисдикций штатов. По сути, объективный подход основывается на оценке действий сотрудников правоохранительных органов, которые могут быть расценены как провокация преступления⁵ [10].

В деле *United States v. Washington* судья высказал критическое мнение относительно концепции защиты от провокации преступления, отметив отсутствие законодательной основы и одобрения Верховного суда США, с указанием на то, что суд может применять ее лишь в конкретных случаях. Судья выразил мнение о политическом, а не юридическом характере вопроса. Однако такой консервативный подход к признанию данной концепции защиты уже устарел к моменту вынесения решения по этому делу.

Верховный суд США долгое время не признавал новую концепцию защиты от провокации преступления, но ситуация изменилась к началу 1930-х гг. Позднее принятие, но широкое распространение этой защиты в американских судах на протяжении 50 лет объясняется ее сравнительно поздним развитием. Появление этой концепции было вызвано природой преступлений, расследуемых с помощью провокационных методов правоохранительными органами. В конце XIX и начале XX в. в США появились Закон Манна, Закон Харрисона и другие законодательные акты, не имеющие аналогов в общем праве, запрещающие проституцию, азартные игры и торговлю наркотиками. Сложность расследования таких преступлений обуславливалась отсутствием жалоб из-за добровольного участия всех сторон. Таким образом, проблема провокации преступления возникла как следствие судебной реакции на методы полиции, используемые для доказывания данной категории преступлений.

Доктрина о провокации преступления как средстве защиты была признана большинством штатов. Подтверждение ее Верховным судом США свидетельствует о широком признании и регулярном применении в федеральных судах низших инстанций. В результате защита от провокации преступления стала общепринятой и используется судами разных уровней. Однако широкое признание не привело к единообразию в вопросах практического применения этой доктрины.

Более ранние работы, рассматривающие защиту от провокации преступления, не содержали обоснований ее применения. Защита описывалась как важная общественная политика, противодействующая

необоснованным преследованиям. Тем не менее такой подход уступил место необходимости четкой, единообразно применяемой доктрины. Несмотря на многочисленные попытки создать такую унифицированную доктрину, общего согласия пока не достигнуто.

Изучение развития доктрины защиты от провокации преступления требует рассмотрения ее дальнейшего применения в судебной практике. Для правильного применения любой доктрины в судопроизводстве необходимо ее толкование и разъяснение. Долгое время основой толкования сущности, содержания, оснований и условий применения защиты от провокации преступления служило переформулированное определение судьи Робертса: «Организация и планирование преступления сотрудником правоохранительных органов и обеспечение его совершения лицом, которое не совершило бы его без уловок, убеждений или обмана со стороны сотрудника правоохранительных органов».

Дальнейшее развитие доктрины защиты от провокации преступления отражено в деле *Butts v. United States* и предложении профессора Ричарда Доннелли двух основных критериев для ее применения: субъективного и объективного. В деле *Butts v. United States* было подчеркнуто, что основная задача правоохранительных органов – предотвращение, а не провоцирование преступлений. Неправомерно наказывать человека за преступление, которое он бы не совершил без подстрекательства и провокации со стороны правоохранительных органов. Это сформулировало субъективный критерий, основанный на формировании умысла у лица в результате действий правоохранителей.

Большинство штатов и федеральных судов США используют субъективный критерий для определения провокации преступления, оценивая эмоциональное состояние обвиняемого и наличие у него преступного умысла. Сторонники этого подхода считают, что уголовная ответственность наступает только за собственные преступные действия, а не за преступления, совершенные под давлением правоохранительных органов. Ключевой задачей при применении субъективного критерия является установление того, совершило бы лицо преступление без чрезмерного вмешательства со стороны правоохранителей.

Р. Доннелли предложил объективный критерий оценки провокации преступления: было ли поведение сотрудника правоохранительных органов таким, что только преступник (с уже сформированным умыслом) мог бы поддаваться искушению? Если сотрудник использовал методы, способные преодолеть сопротивление обычного человека (уговоры, мольбы, вымогательство), суд должен признать наличие провокации преступления.

Цель статьи – проанализировать судебные прецеденты и законы, касающиеся провокации преступления.

⁵ N.Y. Penal Law 1967. URL: https://law.justia.com/codes/new-york/2006/penal/pen040.05_40.05.html (accessed 13 Mar 2025).

Результаты

Переходя непосредственно к процедуре рассмотрения дел о провокации преступления, следует отметить особенности доказывания наличия провокации преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов, а именно тот факт, что как в законодательстве, так и в судебной практике наиболее сложным в доказывании является «предрасположенность» лица к совершению преступления до вмешательства сотрудников правоохранительных органов. Особенностью процесса доказывания в данном случае выступает недопустимость использования в качестве доказательства фактов совершения лицом ранее преступных посягательств. Однако в случае выдвижения лицом обвинения о провокации преступления по отношению к правоохранительным органам данные факты могут быть использованы в качестве доказательств о «предрасположенности» лица к совершению преступления.

Процесс доказывания наличия провокации преступления в действиях сотрудников правоохранительных органов условно можно разделить на три основных этапа:

I этап: предъявление достаточных доказательств обвиняемым (бремя доказывания провокации преступления лежит на нем), что совершение было совершено им в результате оказанного воздействия со стороны сотрудников правоохранительных органов (путем провокации преступления);

II этап: после рассмотрения предъявленных доказательств обвиняемым в инкриминируемом ему преступлении в результате провокации преступления бремя доказывания а) законности, б) обоснованности действий сотрудников, в действиях которых усмотрена провокация преступления, а также в) принятия справедливого решения возлагается на следователя;

III этап: окончательный этап рассмотрения дела о провокации преступления (при наличии достаточных доказательств от стороны обвинения о законности действий сотрудников правоохранительных органов) подразумевает предоставление обвиняемым достаточных доказательств об отсутствии у него предрасположенности к совершению преступления (фактически речь идет о субъективном критерии, но доказательство предрасположенности лица не гарантирует виновность лица в совершении преступления).

Отметим, что на сегодняшний день большинство судов на федеральном уровне передают рассмотрение дел о провокации преступления суду присяжных,

когда обвиняемый подает ходатайство о том, что в отношении него была провокация преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов⁶ [11], о чем имеются достаточные доказательства. После передачи дела на рассмотрение суду присяжных обвиняемый несет бремя доказывания о наличии провокации преступления в действиях сотрудников правоохранительных органов. Как результат, при наличии достаточных оснований судья может вынести оправдательный приговор, если, по мнению суда, никто не мог установить вне разумных сомнений (неопровержимые доказательства), что подсудимый был предрасположен. Таким образом, вопрос о рассмотрении дел о провокации преступления судом присяжных – прерогатива материального уголовного права [12, р. 1193]. Но если рассматривать провокацию преступления как вопрос процессуального права, то бремя доказывания в этом случае будет возлагаться на государственного обвинителя (прокурора), который обязан предоставить достаточные доказательства о предрасположенности обвиняемого к совершению преступления.

Основание для обоснованного досудебного рассмотрения дела на предмет провокации преступления должно быть существенным. Например, наличие доказательств того, что поведение сотрудников правоохранительных органов было направлено на склонение лица к совершению преступления в различных формах [13, с. 76]. Если характер и масштабы стимулирования со стороны сотрудников правоохранительных органов не являются обоснованными, разумными, представляющими собой чрезмерное, неоправданное принуждение⁷ [14]. Если обвиняемый доказал наличие первого пункта концепции Мэнсона⁸ (то есть доказательство того, что поведение сотрудников полиции выходило за рамки дозволенности), то бремя доказывания того, что преступление, которое совершил обвиняемый, явилось ответом на побуждение со стороны сотрудников правоохранительных органов как результат его предрасположенности к совершению преступления, будет лежать уже на прокуроре. Когда суды будут оценивать различные факторы, которые определяют второй пункт концепции Мэнсона, они будут принимать во внимание различные обстоятельства, которые влияют на предрасположенность лица, включая любое криминальное прошлое лица, наличие судимости и готовность ответной реакции обвиняемого. Только в том случае, если суды установят, что обвиняемый

⁶ State of New Jersey v. Marcus J. Covington No. A-1788-18. 2021. URL: <https://law.justia.com/cases/new-jersey/appellate-division-unpublished/2021/a1788-18.html> (accessed 13 Mar 2025).

⁷ United States of America, Plaintiff-appellee/cross-appellant, v. Eleuterio Garcia, Defendant-appellant/cross-appellee. 1999. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/182/1165/627451/> (accessed 13 Mar 2025).

⁸ Manson v. Brathwaite, No. 75-871. 1977. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/432/98/> (accessed 13 Mar 2025).

был предрасположен к совершению преступления, судья передаст дело на рассмотрение суда присяжных ввиду того, что суды должны решить заранее без всяких предположений являются ли представленные доказательства допустимыми.

Важной корреляцией (поправкой) служит то, что прокуроры были бы обязаны предоставить информацию, связанную с проблемой провокации, такую как информация о предыдущих действиях обвиняемого, указывающих на предрасположенность к совершению преступления, информацию о предыдущих заявлениях провокатора, судимости в сочетании с досудебными слушаниями о провокации⁹. Сбор и изучение такой информации не только выявит на ранней стадии любые потенциальные проблемы в деятельности сотрудников правоохранительных органов; это также даст подсудимому более значимую возможность решить, признавать себя виновным или – если нет – использовать ли защиту от провокации преступления в суде.

Остается непонятным кем должны приниматься досудебные решения по доказательствам, ведь ни в Конституции, ни в иных нормативных правовых актах не прописаны ограничения на принятие таких решений присяжными. Из практических соображений, исходя из величины судебных расходов на назначение присяжных заседателей, целесообразно передать рассмотрение данной категории дел судье первой инстанции единолично. Судьи на федеральном уровне привыкли анализировать аргументы и контраргументы в балансе интересов, что представлено в ходатайстве о провокации преступления. Хотя присяжных обычно просят определить психическое состояние подсудимого в момент совершения преступления, эмпирические исследования показывают, что присяжные могут испытывать трудности с применением весьма тонких категорий психических состояний, одной из которых, безусловно, является предрасположенность к совершению преступления [15]. Возложение на присяжных обязанности определить психическое состояние подсудимого до момента совершения преступления и в момент совершения преступления может означать возложение на присяжных задачи, выходящей за рамки их основной компетенции.

Хотя суд присяжных по уголовным делам традиционно служил «защитой от произвола правоохранительных органов»¹⁰, есть убедительные аргументы в пользу того, что присяжные могут быть не самым подходящим органом для вынесения решения в случаях провокации преступления, особенно в таких резонансных делах,

как дела, связанные с терроризмом. Действительно, исследования показали, что большинство представителей общественностей воспринимают провокацию преступления не как основание, исключающее преступность деяния, а как смягчающее обстоятельство при вынесении приговора [16, р. 152].

Все это является вескими причинами для включения досудебного постановления судьи первой инстанции по делу о провокации преступления – не обязательно в качестве замены решения присяжных по завершению рассмотрения дела, но и в качестве механизма проверки, который в соответствующих случаях может вообще предотвратить передачу дела в суд присяжных. Обоснование для такого досудебного решения было бы таким же, как и для установления личности свидетеля: у обвиняемого есть процессуальный интерес, присущий гарантии элементарной справедливости в статье о надлежащей правовой процедуре, который накладывает ограничение на то, как правоохранительные органы могут осуществлять уголовное преследование. Таким образом, обвиняемый был бы осознанно заинтересован в соблюдении надлежащей правовой процедуры в исключении доказательств, полученных путем провокации преступления, только в том случае, если его склонили к совершению преступления правоохранительные органы¹¹.

Провокация преступления представляет собой совокупность двух конкурирующих интересов – с одной стороны, признанием необходимости «эффективного уголовного преследования», а с другой – «глубокой веры общества в то, что уголовный закон не может выступать в качестве инструмента несправедливости»¹². В настоящее время представляется необходимым изучение вопросов о процедуре рассмотрения дел о провокации преступления, что обусловлено важностью использования отдельных оперативных мероприятий, но законность их проведения стоит под вопросом в отдельных рассматриваемых случаях, чтобы процессуальная защита от провокации преступления имела прочную теоретическую основу и эффективно применялась на практике.

Исходя из анализа оснований для формирования защиты от провокации преступления, можно утверждать, что она представляет собой форму судебного контроля за действиями правоохранительных органов посредством права на пересмотр действий полиции с точки зрения их законности и разумности в конкретном случае. Отличительной особенностью рассмотрения дел о наличии провокации преступления в судебном

⁹ United States Code: Witnesses and Evidence, 18 U.S.C. § 3500, Suppl. 3. 1970. URL: <https://law.justia.com/codes/us/2012/title-18/part-ii/chapter-223/section-3500> (accessed 13 Mar 2025).

¹⁰ Jacobson v. United States, No. 90-1124. 1992. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/503/540/> (accessed 13 Mar 2025).

¹¹ Perry v. New Hampshire, No. 10-8974. 2012. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/565/228/> (accessed 13 Mar 2025).

¹² Schneckloth v. Bustamonte, No. 71-732. 1973. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/412/218/> (accessed 13 Mar 2025).

процессе является то, что все дела о разумности и законности действий правоохранительных органов ранее рассматривались исключительно судьями единолично, однако дела о наличии провокационных действий сотрудников правоохранительных органов рассматриваются исключительно присяжными.

Заключение

Несмотря на давние дискуссии о провокации преступления как самостоятельном уголовно-правовом явлении (еще с дореволюционного периода), до сих пор отсутствует единый доктринальный подход к определению ее социально-правовой природы в российской уголовно-правовой науке [17–20]. Существуют две противоположные научные позиции: одни авторы квалифицируют провокацию преступления как самостоятельное преступление, другие – как обстоятельство, исключающее преступность деяния (при определенных условиях) [21]. К недостаткам провокационных действий относятся их противоречие нормам морали (в связи с использованием незаконных тактик и методов работы). В американском судопроизводстве применяются два дискуссионных подхода к оценке провокации преступления: субъективный (оценка предрасположенности преступника к совершению преступления) и объективный (оценка соответствия провокации разумным пределам) [22–24].

Доктрина провокации преступления как формы процессуальной защиты обвиняемого в Соединенных Штатах Америки эволюционировала от полного непризнания к широкому, хотя и неоднородному применению. Развитие этой доктрины было обусловлено необходимостью реагирования на новые категории преступлений, расследование которых требовало использования методов, граничащих с провокацией

преступления. В настоящее время сосуществуют субъективный и объективный критерии оценки провокации преступления, при этом субъективный критерий, основанный на оценке предрасположенности спровоцированного лица к совершению преступления, получил более широкое распространение. В то же время практическое применение доктрины осложняется проблемами доказывания «предрасположенности», неоднозначной ролью суда присяжных в рассмотрении дел о провокации преступления и отсутствием единого подхода к оценке правомерности действий сотрудников правоохранительных органов.

Анализ практики применения доктрины провокации преступления как процессуальной защиты обвиняемого в Соединенных Штатах Америки демонстрирует сложную взаимосвязь между необходимостью эффективной деятельности сотрудников правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений и защитой прав обвиняемых на справедливое судебное разбирательство. Несмотря на широкое признание доктрины защиты от провокации преступления, отсутствие единого подхода к его применению, разногласия между субъективным и объективным критериями оценки, а также особенности процессуального порядка рассмотрения подобных дел создают ряд существенных проблем в обеспечении гарантий соблюдения и защиты прав обвиняемого.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

Литература / References

1. Барабаш А. С. Анализ международного законодательства в области провокации преступления. *Проблемы становления гражданского общества: VIII Междунар. науч. студ. конф.* (Иркутск, 20 марта 2020 г.) Иркутск: ИЮИ (ф) УП РФ, 2020. С. 11–15. [Barabash A. S. Analysis of international legislation in the field of crime provocation. *Problems of formation of civil society: Proc. VIII Intern. Sci. Student Conf.*, Irkutsk, 20 Mar 2020. Irkutsk: ILI (b) UP RF, 2020, 11–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cuqamy>
2. Бурмистрова А. А. Виды и содержание провокационных действий в правоприменительной практике Соединенных Штатов Америки. *Санкт-петербургские встречи молодых ученых: I Всерос. конгресс.* (Санкт-Петербург, 15 июня 2023 г.) СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 194–199. [Burmistrova A. A. Types and content of provocative actions in law enforcement practice in the United States of America. *St. Petersburg Meetings of Young Scientists: Proc. I All-Russian Congress*, St. Petersburg, 15 Jun 2023. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry, 2023, 194–199. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wdkipm>
3. Бурмистрова А. А. Правомерное оперативно-розыскное мероприятие «ловушка» в правоприменительной практике Соединенных Штатов Америки и критерии его отграничения от провокации преступления. *Сибирский антропологический журнал.* 2022. Т. 6. № 3. С. 105–110. [Burmistrova A. A. Legitimate operative-detective activity "entrapment" in the US policing and its counter distinction criteria to crime provocation. *Siberian Journal of Anthropology*, 2022, 6(3): 105–110. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31804/2542-1816-2022-6-3-105-110>

4. Бурмистрова А. А. Отграничение правомерного оперативно-розыскного мероприятия от провокации преступления в правоприменительной практике США. *Преемственность и новации в юридической науке*: Всерос. науч. конф. (Омск, 24 мая 2022 г.) Омск: ОМА МВД России, 2022. С. 50–51. [Burmistrova A. A. Distinguishing a lawful operational and investigative measure from the provocation of crime in law enforcement practice of the United States. *Continuity and innovation in legal science*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Omsk, 24 May 2022. Omsk: OMA of MVD of Russia, 2022, 50–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aigdfk>
5. Баранчиков М. Н. Провокация преступления в сравнительно-правовом аспекте по российскому и американскому уголовному законодательству. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2011. № 1. С. 224–226. [Baranchikov M. N. Provocation in a relatively crime – the legal aspect in Russian and American criminal law. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2011, (1): 224–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ogkljt>
6. Никулина С. А., Степанова К. В. Провокация преступления: зарубежный опыт и перспективы развития в законодательстве Российской Федерации. *Эпомен*. 2019. № 29. С. 132–141. [Nikulina S. A., Stepanova K. V. Provocation of a crime: Foreign experience and development prospects in the legislation of the Russian Federation. *Epomen*, 2019, (29): 132–141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/etkqsl>
7. Basim Y. Jasim. Provocation: A legi-pragmatic approach. *Contemporary Readings in Law and Social Justice*, 2013, 5(2): 858–878.
8. Donnelly Richard C. Judicial Control of informants, spies, stool pigeons, and agent provocateurs. *The Yale Law Journal*, 1951, (7): 1091–1131.
9. Elbaz D. J. The Troubling entrapment defense: How about an economic approach? *American Criminal Law Review*, 1999, 36(1).
10. Shen F. X., Hoffman M. B., Jones O. D., Greene J. D., Marois R. *Sorting guilty minds*. 86 N.Y.U. L. REV, 2011, 55.
11. Примерный уголовный кодекс (США): Официальный проект Института американского права, ред. А. С. Никифоров. М.: Прогресс, 1969. 303 с. [The exemplary criminal code (USA): The official draft of the Institute of American Law, ed. Nikiforov A. S. Moscow: Progress, 1969, 303. (In Russ.)]
12. Pepson M. D., Sharifi J. N. Lego v. Twomey: The improbable relationship between an obscure supreme court decision and wrongful convictions. *The American criminal law review*, 2010, 47(3): 1185–1250.
13. Шмонин А. В., Семькина О. И. Провокация преступлений со стороны правоохранительных органов: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства. *Журнал российского права*. 2013. № 7. С. 71–81. [Shmonin A. V., Semykina O. I. Entrapment by law enforcement agencies: A comparative analysis of Russian and foreign legislation. *Journal of Russian Law*, 2013, (7): 71–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzsbz>
14. Heller K. J. *The cognitive psychology of mens rea*. 99 J. Crim. L. & Criminology 317, 2009, 65.
15. Heller K. J. The Cognitive Psychology of Mens Rea. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2009, 99(2). URL: <https://ssrn.com/abstract=1155304> (accessed 13 Mar 2025).
16. Robinson P. H., Darley J. M. *Justice, liability, and blame: Community views and the criminal law*. Pennsylvania, 1995, 313.
17. Гутнов Д. А. Из истории русского политического сыска: В. Ф. Джунковский и борьба «сверху» с практикой полицейской провокации в 1913–1915 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2012. № 2. С. 5–18. [Gutnov D. A. history of political police in Russia: V. F. Dzhunkovsky and fight against police provocation practice in 1913–1915. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*, 2012, (2): 5–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxvjgv>
18. Дизер О. А. Ретроспективный анализ криминализации провокации преступления в российском уголовном праве. *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2021. № 1. С. 110–114. [Dizer O. A. Retrospective analysis of the criminalization of provocation of crime in Russian criminal law. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, (1): 110–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iwyerp>
19. Орлов Д. В. Правоприменительная практика провокации преступления и противодействие ей в условиях военного времени (1941–1943 гг.). *История государства и права*. 2014. № 8. С. 47–50. [Orlov D. V. Law-enforcement practice of the provocation of a crime and counteraction to it in the war-time conditions (1941–1943). *History of state and law*, 2014, (8): 47–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scxkgz>
20. История информационной политики России в документах. От Соборного Уложения 1649 г. до октября 1917 г., сост. П. С. Зиноватный. М.: Хроникер, 2009. 454 с. [History of information policy of Russia in documents. From the Cathedral Code 1649 to October 1917, comp. Zinovatny P. S. Moscow: Khroniker, 2009, 454. (In Russ.)]
21. Дмитренко А. П., Кадников Н. Г., Русскиевич Е. А. Провокация преступления, ее фикция и презумпция: теория, закон, правовая позиция Европейского Суда по правам человека. *Вестник Томского*

- государственного университета. 2020. № 461. С. 218–224. [Dmitrenko A. P., Kadnikov N. G., Russkevich E. A. Crime provocation, its fiction and presumption: Theory, law, the legal position of the European Court of Human Rights. *Bulletin of Tomsk State University*, 2020, (461): 218–224. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/461/26>
22. Кондратьев М. В. Оперативно-розыскное противодействие незаконному обороту наркотиков в США. *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2020. № 4. С. 94–101. [Kondratyev M. V. Operational search counteraction to drug trafficking in the United States. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, (4): 94–101. (In Russ.)] https://doi.org/10.51980/2542-1735_2020_4_94
23. Лопатин Е. А., Шкабин Г. С. Провокация преступлений как способ борьбы с преступностью в работе полиции США. *Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: Региональный круглый стол*. (Рязань, 9 апреля 2015 г.) Рязань: Концепция, 2015. С. 59–63. [Lopatin E. A., Shkabin G. S. Entrapment as a way to combat crime in the work of the U.S. police. *Problems of application of criminal law in the implementation of operational and investigative activities: Proc. Regional Round Table*, Ryazan, 9 Apr 2015. Ryazan: Concept, 2015, 59–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/unjbjw>
24. Гусев В. А., Невский Е. П. Правовое регулирование организации и проведения тайных операций Федеральным бюро расследований США. *Оперативно-розыскное право*. 2022. № 1. С. 56–70. [Gusev V. A., Nevsky E. P. Legal regulation of the organization and conduct of covert operations by the US Federal Bureau of Investigation. *Operativno-rozysknoe pravo*, 2022, (1): 56–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/htuizw>